

Л. И. Ивонина

ЯРКИЙ ЗАКАТ
РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ:

Ян Собеский,
Август Сильный,
Станислав Лещинский

Людмила Ивонина

**Яркий закат Речи Посполитой:
Ян Собеский, Август Сильный,
Станислав Лещинский**

«Нестор-История»

2020

УДК 94
ББК 63.3(0)51

Ивонина Л.

Яркий закат Речи Посполитой: Ян Собеский, Август Сильный,
Станислав Лещинский / Л. Ивонина — «Нестор-История», 2020

ISBN 978-5-4469-1769-3

Герои этой книги — три короля Речи Посполитой во второй половине XVII — первой половине XVIII века. Анализ индивидуальных качеств, государственной и военной деятельности Яна Собеского, Августа Сильного и Станислава Лещинского органично вплетается в канву столетий барокко и Просвещения. Переходное, противоречивое, бурное и динамичное время, совпавшее с упадком Польши, во многом определяло политику, менталитет и повседневную жизнь этих незаурядных польских правителей. Их система ценностей и политические шаги определялись как общим развитием континента, так и особенностями, и положением в Европе государства, которое они возглавляли. Издание будет полезно для всех интересующихся историей Польши и Европы второй половины XVII - XVIII века. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94
ББК 63.3(0)51

ISBN 978-5-4469-1769-3

© Ивонина Л., 2020
© Нестор-История, 2020

Содержание

Речь Посполитая и «эпоха королей»	6
Ян Собеский: начало легенды	11
Восхождение	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Людмила Ивановна Ивонина
Яркий закат Речи Посполитой:
Ян Собеский, Август Сильный,
Станислав Лещинский

© Ивонина Л. И., 2020

© Издательство «Нестор-История», 2020

* * *

Речь Посполитая и «эпоха королей»

Пролог

Замысел этой книги появился по ряду важных причин. В первую очередь, в условиях преобладания многообразия над единством в современном мире обозначилась потребность расширить существующие представления о пограничных обществах сквозь призму выдающейся личности, особенно в переломные моменты истории.

Во-вторых, важен сам факт выбора пограничного социума. На протяжении столетий Речь Посполитая (*Rzeczpospolita Obojga Narodow*) – государство, которому предстояло в конце XVIII века исчезнуть с карты мира более чем на столетний срок, – являлась уникальным регионом с богатой политической историей, своеобразным перекрестком западноевропейской и восточноевропейской цивилизаций, местом синтеза и одновременно конфликта различных культур. На ее территории проживали поляки, украинцы, белорусы, литовцы, евреи, татары, армяне и немцы. Польша одной из немногих проводила политику религиозной и этнической терпимости в отношении различных народов и вероисповеданий. Благодаря этому уже в конце XV века сюда устремились евреи, бежавшие от преследований в странах Западной Европы. В XVI веке, во время Реформации в толерантной Польше нашли пристанище многочисленные протестанты. Затем здесь возникли собственные протестантские религиозные движения, повлиявшие на идеи мыслителей более позднего времени.

Речь Посполитая была единственным европейским государством со своим мусульманским населением, появившимся не в результате военных завоеваний, а в результате миграции татар, преимущественно в литовские земли. Веками Польша служила мостом между Востоком и Западом – путем, по которому шел процесс вестернизации. При этом ее называли *Antemurale Christianitatis* (оплот христианства), подчеркивая ее роль в защите христианской Европы от Османской империи. Контакты с турками и крымскими татарами не ограничивались войнами. Между Польшей и Востоком имел место активный культурный обмен, затрагивавший торговлю, религию, кухню и моду. Ярким примером этого обмена являлся традиционный «сарматский» наряд польской знати, состоявший из кунтуша, жупана, слупского (первоначально именовавшимся стамбульским или персидским) пояса и турецкой шашки. На Западе считали, что польская шляхта немногим отличалась от своих восточных соседей.

И, в-третьих, ярким олицетворением этого синтеза и конфликта культур являлись и польские короли – связующее «представительское» звено между Речью Посполитой и остальной Европой.

28 июня 1569 года в Люблине между Польшей и Литвой была подписана Уния, в результате которой возникло одна из самых крупных держав Европы того времени – Речь Посполитая, или Польско-Литовское государство. Территория этого государства простиралась от Балтики до Черного моря. Воображение современников поражали его показное богатство, глубокая религиозность населения, исключительная воинственность и не имеющее аналогов ни до, ни после в истории политическое устройство, которое часто называют «шляхетской демократией». Называясь Республикой, новое государственное образование имело общего выборного пожизненного короля без права передавать престол по наследству, общий орган высшей законодательной власти – сейм, общую денежную систему и внешнюю политику. Администрация, казна, войско и судебная система у литовской и польской частей были отдельными. Центральная власть почти не имела влияния на регионы, где распоряжались магнаты, перманентно

выясняя отношения в междоусобицах – «рокошах», а самоуправление городов регулировалось Магдебургским и частично Любекским правом¹.

Однако самым своеобразным являлся парламентский принцип Речи Посполитой – *liberum veto*, который позволял любому депутату сейма, выступив против, прекратить обсуждение вопроса и работу сейма вообще. «Единогласие» стало обязательным в 1589 году, а в 1666 году расширено на воеводские сеймики. Если же шляхта имела причины обвинить королевскую власть в ущемлении своих прав, она могла официально выступить против нее, созвав конфедерацию. О создании конфедерации объявляла шляхта одного из воеводств Речи Посполитой, а затем к ней, в зависимости от ситуации, могли присоединиться другие воеводства. Конфедераты официально отказывали королю в подданстве, фиксируя это положение в специальном акте. Конфедерация имела свой главный орган – вальную Раду, создавала свой суд и войско, собирала налоги и избирала предводителя – маршалка. Принцип *liberum veto* здесь не применялся, решения принимались большинством голосов, но бывало и так, что конфедерации образовывались шляхтой «при короле» для борьбы с его противниками-магнатами или враждебной ему конфедерацией.

С одной стороны, такая политическая структура позволяла «разноликому» композитарному государству довольно долго успешно функционировать и угрожать соседям. Но какова была другая сторона? Вписывалась ли Речь Посполитая в общее европейское развитие второй половины XVII – первой половины XVIII века – время, когда жили и действовали герои этой книги, которое с полным основанием можно образно назвать «эпохой королей»?

В годы первой европейской Тридцатилетней войны (1618–1648) и после нее структуры большинства государств континента подверглись серьезным изменениям. Эта война не только оставила истории трагические и впечатляющие образцы непримиримости и жестокого противоборства, но и породила столетний период относительно стабильного развития. В целом для политической жизни Европы после кризиса середины XVII века, вызванного войной, был характерен всеохватывающий процесс монополизации, который привел к концентрации в руках носителей высшей государственной власти всех важных политических полномочий. Этот процесс имел место и в государствах, ставших на путь буржуазно-правового развития, и в преобладавших на континенте абсолютных монархиях. Только в первом случае монополизировали власть представительские структуры (Парламент в Британии, Генеральные Штаты в Республике Соединенных Провинций), а во втором – монарх и его министры. Монополизация, в свою очередь, включала в себя централизацию, бюрократизацию и милитаризацию государства².

Вестфальский мир 1648 года, венчавший окончание Тридцатилетней войны, положил начало становлению в Европе международной системы, в которой суверенитет предполагается необходимым атрибутом любого государства. В рамках формирующейся Вестфальской системы, еще долгое время имевшей династический характер, развивались международное право и межгосударственные отношения на основе принципа баланса сил. Была достигнута определенная стабильность, которая могла привести эти отношения к новому политическому равновесию, и стали формироваться новые формы взаимного сосуществования, активно апробировавшиеся в политике, экономике, культуре. Тем не менее во второй половине XVII века – XVIII веке война являлась повседневной реальностью европейской жизни. Она была «носителем политического решения», а милитаризация власти диктовалась не только желанием про-

¹ Любекское и Магдебургское право – одни из наиболее известных систем городского права, сложившиеся в XIII веке, согласно которым экономическая деятельность, имущественные права, общественно-политическая жизнь и сословное состояние горожан регулировались собственной системой юридических норм.

² Милитаризация государства представляла собой создание на основе рекрутских наборов и инженерно-технических нововведений постоянных армий на службе существующей власти.

славить династию славными войнами, но и потребностью ее укрепления внутри государства и расширения политического влияния за его пределами.

Со второй половины XVII века началась всеобщая модернизация политической жизни. В барочном мире дворы и союзы для рангов государств были почти так же важны, как ударная сила их армий. Церемониал на разных уровнях проник в систему международного представительства и во многом определял положение и силу государства. Правители и политики должны были это учитывать, иначе они лично и особенно их государство могли лишиться шансов на успех в политической игре. В дипломатическом мире каждое государство имело свое место, а любые переговоры четко регистрировали подъем или упадок той или иной державы. Потому именно в войнах и завершавших их переговорах для усилившегося амбициозного правителя появлялась возможность продвинуться вперед в европейской «табели о рангах».

Новые формы европейской жизни формировались в тесном взаимодействии методов адаптации и конкуренции. Следствием конкуренции и ярким примером адаптации являлась регализация европейских правителей. Этот процесс представлял собой как превращение территориального или регионального княжества Германии или Италии в королевство, а его государя – в короля, так и обретение князем короны в другом государстве. Основная причина регализации состояла в том, что одной из характерных черт Классической Европы³ была фундаментальная разница между двумя политическими системами – республиками и монархиями. Эта разница вытекала из отсутствия или существования дворов, высшего общества и соответствовавшей ему культуры. Во второй половине XVII века – XVIII веке двор как институт и форма существования переживал взлет, ему принадлежало первенство в политике и моде. В то же время республики представлялись либо опасными, либо старомодными и неразвитыми. На всем континенте монархия была нормой. Большинство образованных европейцев, несмотря на критику современных им реалий, полагало, что она является наилучшей формой правления. Именно от государей ожидали справедливого и эффективного управления страной. При этом в Классической Европе государство во многом идентифицировалось с династией.

Централизованное и во многом милитаризованное управление государством Классической Европы было искусством возможного. А личные амбиции правителей часто увеличивали их возможности, постоянно заставляя их стремиться к расширению своего влияния и повышению своего статуса среди других держав, что одновременно укрепляло и их внутренние позиции. Можно сказать, что сильные централизованные монархии усилили государство раннего Нового времени в политическом, правовом, экономическом и культурном отношениях.

Конкуренция среди европейских государств во второй половине XVII века – XVIII веке оставляла мало шансов Польше выдвинуться в разряд великой державы. Чтобы не только поднестись, но и выжить, государство должно было адаптироваться к политическим, экономическим и социальным изменениям эпохи. В новых условиях могли конкурировать только те правители, которые преуспели в интеграции своих элит. Эта интеграция достигалась через двор (пример Версаля), или через представительскую ассамблею (английский Парламент), или через службу аристократии (Пруссия и Россия), или через сложную комбинацию этих составляющих (Габсбургская монархия XVIII века). В то же время политические структуры, неспособные создать «монополию легитимной силы», такие как Речь Посполитая, становились легкой добычей для соперников, использовавших признаки времени более эффективно⁴.

³ Вторую половину XVII века – XVIII век в историографии чаще именуют Старым порядком, хотя это понятие не отражает все грани жизни многоликого и динамичного общества того времени. По сути, оно обозначает существовавшую тогда реальную жизнь через будущее, сквозь призму Французской революции, которая грянет в конце XVIII столетия и окончательно изменит мир. Французский историк П. Шоню назвал этот период времени «Классической Европой», на протяжении которого имело место «возникновение ментальных структур будущей планетарной цивилизации в экономических, социальных и политических рамках, по-прежнему целиком пронизанных многовековыми традициями». См.: Шоню П. Цивилизация Классической Европы. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. (Великие цивилизации). С. 10–11.

⁴ Kampmann K., Krause K., Krems E.-B., Tischer A. hrsg. Bourbon-Habsburg-Oranien. Konkurrierende Modelle im dynastischen

В целом, в условиях становления административной монархии, усиления центральной власти и интеграции вокруг нее элит в европейских странах архаические структуры «шляхетской республики» постепенно ослабляли ее. Система государственной власти открывала слишком много возможностей для конфликтов, придавая им законность. В то же время шляхетская «сарматская» культура идеализировала политическое устройство Речи Посполитой. Сарматизм как идеология польских элит складывался в эпоху позднего Ренессанса на рубеже XVI–XVII веков в среде шляхты на почве особого политико-правового статуса дворянского сословия в обществе и государстве. Впервые о сарматизме завел речь польский историк, дипломат и католический иерарх Ян Длугош (1415–1480), а закрепил это понятие астролог Мацей Карпига из Мехова (1457–1523) в трактате «О двух Сарматиях» (1517). Этот труд стал главным источником сведений о Польше и Восточной Европе на Западе. Карпига выводил «славное происхождение» поляков от народа древности – «сарматов», дистанцируясь от «варварского» мира «азиатской Скифии». Идеи астролога развивал историк и дипломат, доктор права и непримиримый враг протестантизма Марцин Кромер (1512–1589) в труде «О происхождении и деяниях поляков» в 30 книгах, написанном в 1555 году.

Идеология сарматизма с самого начала своего формирования основывалась на идеализации существующего политического строя польского государства. Один из первых сарматских идеологов Станислав Ожеховский (1515–1566) заявлял, что «Польша совершенна во всем». Эти слова стали своеобразным лозунгом, отражавшим суть представлений сарматского народа, в данном случае, польской шляхты, о себе. Идеальное государство держится, по мнению Ожеховского, на власти свободного народа (шляхты) и Богом данной религии – католической вере: «...ни один человек на свете (из всех) живущих в христианском мире, не является свободным. Потому что он не истинный шляхтич и не имеет на это никакого права». Основопологающим положением сарматизма стал постулат об особом происхождении польского народа, под которым понималось только дворянство⁵.

Шляхетские ораторы воспевали замкнутый «пейзанский» стиль жизни в «маентках», рыцарские доблести и «истинную» католическую веру. Они нередко сравнивали государственные и правовые системы соседних государств с образцами античной державной мудрости – Древним Римом, Персией и Карфагеном. Они заявляли, что существуют народы, поклоняющиеся верховной власти, как Богу, в странах, где даже со свечкой не найти свободных людей. В их речах и сочинениях Речь Посполитая представала в образе хора, в котором звучит не один королевский альт, а множество «вольных» голосов поддерживают одну мелодию. По мнению польского историка Януша Тазбира, три элемента, «три догмата» сформировали сарматские представления о роли Польши в Европе: «догмат о европейской житнице», миф о «бастионе христианства», а также убеждение в совершенстве политического строя Речи Посполитой⁶.

Приверженность шляхты идее «сарматизма» делало Польско-Литовское государство жертвой монокультурной аграрной экономики. Польша, единственная из стран Балтийского мира, осознанно игнорировала возможности мореплавания и оставляла без внимания развитие мануфактур – ведь и то, и другое было бы оскорблением заветов мифических «сарматских предков» шляхты. В результате нуждавшееся в серьезной трансформации политического устройства Польско-Литовское государство вступило в полосу кризиса и все более становилось объектом споров более развитых держав за влияние в ее землях. «Идеальное» государство, в котором свобода была доведена до абсурда, а общественные интересы подчинялись личным,

Europa um 1700. Köln; Weima; Wien: Boehlau, 2008. S. 32–41.

⁵ Orzechowski St. Polskie dialogi polityczne. Kraków: Akademia Umiejętności, 1919. S. 232; Лескинен М. В. Национальный идеал поляка в истории: образ шляхтича-сармата // Славянский альманах. История. Исторические науки. М., 1998. С. 258–259.

⁶ Tazbir J. Stosunek do obcych w dobie baroku // Swojskość i cudzoziemszczyzna w dziejach kultury polskiej / red. nauk. Z. Stefanowska. Warszawa: Nasza Księgarnia, 1973. S. 91; Miedzy monarchia a demokracja: studia z dziejow Polski XV–XVIII wieku / red. A. Sucheni-Grabowska, M. Żaryn. Warszawa: Sejmowe, 1994. S. 88.

постепенно хирело, что уже стало заметным во второй половине XVII века. Как на все это реагировали и как с этим справлялись польские короли, и пойдет речь в этой книге.

Конечно, повествовать я буду не только и не столько о политике. Как увидит читатель, яркая, насыщенная повседневная жизнь Яна Собеского, Августа Сильного и Станислава Лещинского отражала всю палитру красок заката Речи Посполитой. Все эти правители отличались друг от друга, каждый из них обладал своим неповторимым характером, являлся многогранной и талантливой личностью. Я поставила перед собой и читателем ряд вопросов и предложила собственные ответы на них. Например, почему Ян Собеский стал объектом культа в Польше? Что преобладало в натуре Августа Сильного – амбиции или желания, действовал ли он в русле истории, или наоборот? Кем являлся Станислав Лещинский – королем-неудачником или успешным просвещенным правителем? Политические моменты переплетаются в книге с причудливыми образами многоликой эпохи барокко и Просвещения, взлетами и падениями, трагедиями и радостями в личной жизни этих польских (и одновременно европейских!) правителей.

Ян Собеский: начало легенды

У каждой нации есть свои культовые фигуры, и в Польше ею стал знаменитый король Ян III Собеский. Благодаря одержанной им победе над турками под Веной в 1683 году он, вслед за Николаем Коперником, Марией Склодовской-Кюри и римским папой Иоанном Павлом II, вписал свое имя в список выдающихся поляков, внесших значительный вклад в историю Европы и всего мира. По опросу, проводившемуся газетой *Irish Times* в 2013 году, Ян Собеский занял 11-е место в списке великих европейцев⁷. Однако великие победы на полях сражений одерживают многие правители и полководцы, и большинство из них не становятся объектами культа. В чем же заключалась харизма достижений и магия личности этого короля?

Первым в создание собственного культа внес вклад сам Ян Собеский. После битвы под Веной он немедленно послал детальный отчет о происшедшем Папе Римскому Иннокентию XI и письма всем европейским монархам. Вся цивилизованная Европа узнала слова из письма короля Святому отцу: «Мы пришли, Мы увидели, Бог победил»⁸, где он перефразировал великого Юлия Цезаря. А спустя день после битвы он написал своей супруге королеве Марысеньке: «Бог и Господин Наш дал такую победу и славу нашей нации, какую никогда не знали прошлые столетия»⁹ и попросил ее распространить эту новость в лучших газетах мира, чтобы как можно большее число людей узнало о его победе. Знаменитое письмо Яна III папе уже в 1683 году было переведено на многие языки и читалось при всех европейских дворах.

Победа под Веной нашла широкое отражение в польской литературе того времени. Писатели и панегиристы пели дифирамбы и создавали ауру героизма вокруг победителя мусульман в стихах и прозе, на латыни и по-польски. Он достиг вершин Олимпа еще при жизни. Его сравнивали с античными и библейскими героями, такими как бог войны Марс или Моисей, и с выдающимися лидерами древности – Александром Македонским, Помпеем или Цезарем. Популярный в XVII веке польский историк и поэт Веспасиан Коховский (1633–1700), сопровождавший короля в походе, в поэме «Дело Бога, или Песни Вены освобожденной» (1684) видел в Собеском величайшего героя, нового мессию, кого Провидение послало с миссией защитить христианский мир. Событие под Веной часто рассматривалось как крестовый поход, а победитель турок представал новым польским Годфри по аналогии с фигурой Годфри Бульонского (1061–1100), лидера первого похода и правителя Иерусалимского королевства¹⁰.

С годами образ Собеского не потускнел, а, напротив, заиграл новыми красками. В XVIII, а еще более – в XIX веке, на фоне разделов Польши и потери ею независимости его деятельность, и не только на поле брани, получала высокое признание в литературе¹¹. Героическая легенда о Яне III Собеском нашла плодородную почву тогда, когда польское государство исчезло с карты Европы, а его территория была поделена между тремя державами – Россией, Австрией и Пруссией. В разделенном польском обществе культ Собеского выполнял своеобразную функцию компенсации, став одним из важнейших элементов национального единства и создавая традиции патриотизма. Примечательно, что двухсотую годовщину победы над турками под Веной в 1883 году отмечали широкие круги общества во всех трех разделенных

⁷ *Irish Times*. Wed., Mar. 13, 2013.

⁸ Kochowski W. *Dzieło Boskie albo Pieśni Wiednia wybawionego i inszych transakcyj wojny tureckiej w roku 1683 szczęśliwie rozpoczętej* / Oprac. Marian Kaczmarek. Wrocław: Ossolineum, 1983. S. 8.

⁹ Listy Jana III króla polskiego pisane do królowy Maryi Kazimiry w ciągu wyprawy pod Wiedniem w roku 1683 / Raczyński, Edward (1786–1845). Warszawa: N. Glücksberg, 1823. S. 108.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ Jan III Sobieski // *Polski Słownik Biograficzny*. T. 10. Wrocław: Wydaw. Polskiej Akademii Nauk, 1964. P. 420.

частях Польши. Ян Собеский в качестве последнего рыцаря в Европе, последнего гетмана в Польше и ее последнего истинного короля стал символом национального единства и свободы. В его честь были созданы многочисленные литературные произведения, песни, гимны и марши, написаны великолепные картины, отчеканены памятные медали и возведены памятники. Ни один польский король не удостоился такого количества монументов¹².

Правда, уже в XIX веке имели место попытки развенчать миф о нем: победы столь блестящего полководца не принесли Польше выгоды; сделав так много для славы своего отечества, он в то же время ничего не сделал для его пользы. В исторической литературе XX и нынешнего столетия Ян III Собеский предстает не только героем, но и человеком, со всеми его достоинствами и недостатками, «... который был выше своих современников, но все еще одним из них»¹³. При этом нередко отмечается, что его амбиции часто подогревались его супругой, которую он любил больше, чем свой трон, и порой вслепую подчинялся ее мнению. Современные польские историки укоряют и за отношения со шведами, и за закулисные игры за спиной короля Михала Корибуто Вишневецкого (1640–1673). В биографиях Собеского акцентируется внимание не только на военно-политических событиях и личной жизни короля, но и на его реформаторских планах, не осуществившихся из-за сопротивления шляхты. В этом многие авторы усматривают ослабление политической силы Речи Посполитой во второй половине XVII века.¹⁴

И все же в последние десятилетия военные достижения и битва под Веной по-прежнему занимают ключевое место в жизнеописаниях Яна Собеского. Об этом свидетельствуют общие работы и биографии польского короля, вышедшие в Германии, США, Великобритании, Франции и, конечно, в самой Польше. «Он был талантливым писателем, артистической личностью, решительным правителем, но, прежде всего, великим воином своего времени», – так недавно охарактеризовал Яна Собеского американский историк польского происхождения Мильтиад Варвунис¹⁵.

На постсоветском пространстве специальных работ о нем практически нет, если не принимать во внимание публикации разного рода в Интернете и популярных журналах. Но в ряде интересных статей и книг российских и украинских историков рассматриваются моменты внутренней истории и отношений Речи Посполитой при Яне Собеском с Московским государством и украинскими территориями¹⁶.

Приблизиться к пониманию причин мифологизации Собеского, его исторической роли поможет создание многогранного образа этого человека в контексте его времени с упором на восприятие происходящих событий им самим. Тем более что современники короля и сам он оставили потомкам немало письменных материалов. Это, в первую очередь, его мемуары и многочисленная корреспонденция, в рамках которой особую ценность представляют его послания к королеве Марысенке. В них в красивой литературной форме умный и наблюдательный человек делится с самым близким другом и советником своим пониманием конкретного исто-

¹² Maliszewski K. Z dziejów staropolskiej kultury i cywilizacji. Lublin: Fundacja Sere Veritati Instytut Edukacji Narodowej, 2010.

¹³ Jan III Sobieski. P. 420.

¹⁴ Wisner H. Najjaśniejsza Rzeczpospolita: szkice z dziejów Polski szlacheckiej XVIII wieku. Warszawa: Państw. Instytut Wydawniczy, 1978; Wójcik Zb. Jan Sobieski. Warszawa: Państw. Instytut Wydawniczy, 1983.

¹⁵ Varvounis M. Jan Sobieski: The King Who Saved Europe. Bloomington (Indiana): Xlibris Corporation, 2012.

¹⁶ См.: Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 гг. Заключение договора о Вечном мире. М.: Индрик, 2008; Флоря Б. Н. Россия, Ян Собеский и гетман Михаил Пац в 1674–1675 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015, март. № 1(59); Чухлиб Т. В. «Казацкий король» Ян III Собеский // День. Киев, 2004, 23 июля; Его же. «Ucraina terra Cossacorum» и восточноевропейская политика Яна III Собеского (1674–1696 гг.) // Украина и Польша – стратегическое партнерство на рубеже тысячелетий. Ч. 1. М., 2001; Его же. Украина и Польша в период правления короля Яна III Собеского: в поисках утраченного мира // Украинский исторический журнал. № 1. 2002; Мицик Ю. Битва під Монтвами (1666 р.) в описі польської «Віршованої хроніки» // Магістеріум. Історичні студії. 2007. Вип. 28; Романцов В., Горб Е. Битва під Монтвами (1666 г.): епізод з історії громадянської війни в Речі Посполитій // Схід. Історія. 2010. № 5(105).

рического момента. Безусловно, надо иметь в виду, что эти документы во многом носят субъективный характер. Так, в своих мемуарах король нередко нарушал последовательность событий, не говоря уже о возвеличивании собственной роли в истории. Он писал сам о себе, что «энергия Собеского возрастала пропорционально его могуществу»¹⁷.

Легенды сопровождали Яна Собеского всю жизнь и после его смерти: даже если события не имели место, они отражали исключительность его личности. Традиционно неправдоподобная генеалогическая легенда существует и о происхождении рода Собеских. Когда Яна III избрали королем, тут же было «установлено», что он – прирожденный Пяст, прямой потомок первого короля Польши Болеслава Храброго (992–1025). Якобы у последнего представителя династии Пястов Лешека Черного (1241–1288) остался ребенок – то ли сын по имени Визимир, то ли дочь по имени Визимира Теодора, и его потомки к XVI веку оказались владельцами ряда земель в Сандомирском воеводстве. В действительности же у Лешека Черного детей не было.

Одна из красивых легенд была связана с его рождением. Ян Собеский родился в пятницу 17 августа 1629 года в Олеско, маленьком городке недалеко от Львова в Галиции, которая была частью Русского воеводства в составе Речи Посполитой. Его биографы любят подчеркивать, что мальчик появился на свет под знаком зодиака Лев, что также послужило одним из оснований его будущего прозвища – «Лев Лехистана».

...В тот день в Стамбуле бушевала гроза. Молнии раскалывали облака, город трепетал, многочисленные огненные стрелы, освещая здания, придавали им меланхолический и ужасный вид. Вскоре разразился сильный шторм, и сильный прилив на Мраморном море, разбивая лодки, добрался до близлежащих домов. Во дворце Топкапы Кесем Султан, самая влиятельная женщина во всей Османской империи, смотрела в окно, наблюдая за гневом Аллаха. Внезапно молния ударила в Голубую мечеть и превратила полумесяц на верхушке минарета в пепел. Кесем испугалась и подумала, что это плохое предзнаменование. Придворные предсказатели решили, что великую империю в будущем ждет катастрофа.

В то же самое время за тысячи миль отсюда в красивом имении в восточной Польше светило солнце и пели птицы, а магнат Якуб Собеский с нетерпением ждал рождения первенца. Взглянув на небо, он увидел, как там парит белый орел. Эмоции захватили его мысли, поскольку эта гордая птица являлась символом Речи Посполитой. «Это хорошее предзнаменование», – подумал Якуб, и вскоре услышал радостный голос акушерки, прокричавшей, что у него родился сын¹⁸. Так в один день Кесем и Якуб Собеский столкнулись с предзнаменованиями, которые определяют судьбу целой империи и отдельного человека. Впрочем, сильная гроза и наводнение в Стамбуле в эпоху Глобального кризиса, который как раз приходился на XVII век и сопровождался аномальными природными катаклизмами, не были из ряда вон выходящими явлениями. По другой версии легенды, Ян Собеский, наоборот, родился во время невиданной грозы, и будто бы столешница мраморного стола, с которого только что сняли запеленатого новорожденного, раскололась надвое, точно от удара молнии.

В своих мемуарах, изложенных в третьем лице, Ян с первых страниц подчеркнул древность своей семьи. Олесский замок являлся родовым владением его матери Софии Теофилии Данилович, вышедшей замуж за шляхтича Якуба Собеского, фамилия которого носила герб Янины. Самым доселе известным представителем рода являлся дед Софии Теофилии – круп-

¹⁷ Pasek J. Chr. Memoirs of the Polish Baroque: The Writings of Jan Chryzostom Pasek, a Squire of the Commonwealth of Poland and Lithuania. Oakland: University of California Press, 1976; Authentic memoirs of John Sobieski, King of Poland / ed. by Tindal Palmer, Alicia. L.: John Murray, 1815; Listy Jana III króla polskiego pisane do krolowy Maryi Kazimiry w ciągu wyprawy pod Wiedniem w roku 1683 / Raczyński, Edward (1786–1845). Warszawa: N. Glücksberg, 1823; Dalairac M. (François-Paulin). Polish Manuscripts, or The Secret History of the Reign of John Sobieski, The III of that Name, King of Poland, containing a particular account of the siege of Vienna... / trans. François-Paulin Dalairac. L.: Rhodes: Bennet, Bell, Leigh & Midwinter, 1700; Listy do Marysieńki. URL: <http://biblioteka.kijowski.pl/sobieski%20jan%20iii/listy%20do%20mar%20sie%20F1ki.pdf>

¹⁸ Varvoni M. Jan Sobieski: The King Who Saved Europe. P. 19–20.

ный магнат, способный полководец, гетман и канцлер великий коронный Станислав Жолкевский. Его войны с Московским государством и мусульманскими народами с детства захватили воображение Яна, в памяти которого навсегда отложились слова эпитафии из Горация на гробнице его прадеда в Жолкве: «О, как сладко и достойно за отчизну умереть»¹⁹.

Четырежды маршалок сейма (по другим данным, он председательствовал в сейме дважды – в 1623 и 1626 годах), воевода Бельский и Русский, участник военных экспедиций против Московского государства в 1617–1618 годах и знаменитой битвы при Хотине с турками в 1621 году, сенатор Якуб Собеский был исключительно образованным человеком. Он учился в Краковской и Замойской академиях, а затем в течение четырех лет продолжал обучение в Париже. Якуб изучил французский, итальянский и испанский языки, познакомился с культурой и обычаями Франции и проштудировал труды древних и современных авторов – поэтов, юристов и историков. Он был принят при французском дворе королем Генрихом IV Бурбоном, был свидетелем его убийства и похорон и присутствовал на коронации следующего короля Людовика XIII. Фактически Якуб объездил всю Европу, посетив Британию, Нидерланды, западно-германские княжества, Испанию, Португалию, Южную Францию, Савойю, Италию и владения австрийских Габсбургов. Во время своего вояжа он встречался с английским королем Яковом I Стюартом, голландским статхаудером Морицем Оранским, испанским королем Филиппом III, папой римский Павлом V и императором Священной Римской империи Матвеем I. Неудивительно, что после возвращения на родину он быстро приобрел политическое влияние, уважение и богатство. В 1646 году в Гданьске был издан его дневник, написанный в дни Хотинского сражения. Его перу принадлежат также «Комментарии к войне с султаном Османом I»²⁰.

Брак с признанной красавицей Софией Теофилией, которая была моложе его на 17 лет, принес Якубу в 1627 году значительное состояние в виде наследства Даниловичей и Жолкевских, включая замок в Жолкве близ Львова. София Теофилия подарила жизнь семи детям, из которых выжило четверо – сыновья Марек и Ян и дочери Катажина и Анна. Старший сын Марек отличался мягким характером и был любимцем матери. Непоседа Ян, который был моложе брата на год, имел горячий темперамент, но вместе с тем был склонен к самодисциплине, определявшейся его стремлением к знаниям.

Детство Ян провел в разных семейных резиденциях: в Олеско, в Золочеве, а с конца 30-х годов вместе с братом Марекком и сестрой Катажиной жил в Жолкве, в замке знаменитого прадеда, когда-то взявшего Москву. Якуб желал дать сыновьям самое лучшее образование по тем временам. В 1640–1643 годах Ян и Марек учились в первой светской школе для подростков и юношей – коллегии Новодворского в Кракове, культурном и религиозном центре Речи Посполитой, прозванном «вторым Римом» или «польским Римом». Параллельно Ян посещал частные лекции о роли и функциях дворянства, расширившие его знания о войне и финансах. Возможно, эти знания позволили юному магнату критически оценить реалии польской жизни во второй половине XVII века.

Достигнув 14 лет, Ян вместе с братом приступил к обучению на философском факультете Ягеллонского университета – древнейшего (основан в 1634 году) и одного из самых крупных учебных заведений в Польше, являвшегося одним из старейших в Европе. Тогда университет назывался Краковской академией, и только в XIX веке получил название Ягеллонского университета, подчеркнув тем связь с покровительствовавшей ему династией Ягеллонов. Ян в равной степени был способен рисовать, играть на флейте и гитаре, являлся непревзойденным наездником и не имел соперников во владении шпагой и мечом. Не меньший интерес юноши вызывали математика, инженерное дело и архитектура, он с удовольствием осваивал языки, и по окончании факультета в 1646 году знал латинский, французский, немецкий, умел общаться

¹⁹ Authentic memoirs of John Sobieski, King of Poland. P. 1.

²⁰ Ibid. P. 3.

на турецком и греческом. Неудивительно, что из всех польско-литовских королей Ян Собеский считается наиболее образованным человеком²¹.

После окончания учебы братья на короткое время возвратились домой, в Жолкву. София Теофилия встретила их тепло, однако Марек она по-прежнему любила больше, несмотря на живой ум и большие способности младшего брата. Очевидно, поэтому годы спустя Ян Собеский так остро нуждался в любви женщины, что во многом оказался зависимым от этой любви.

Детство закончилось, и братьям предстояло совершить большой европейский тур, что было обязательным для большинства польско-литовских дворян. Пребывание за границей обычно предполагало завершение обучения в старейших университетах, знакомство с формами управления в различных государствах, нравами и обычаями европейцев, приобретение полезных связей. В том же 1646 году Ян и Марек отправились в путешествие – им предстояло посетить германские земли, Францию, Нидерланды и Британию. Большая часть вояжа отводилась на Францию, с которой у Речи Посполитой имелись давние связи. В Европе подходила к концу Тридцатилетняя война, и поэтому братья могли хорошо ознакомиться с разнообразным опытом ведения боевых действий, изучая тактику и стратегию французской, шведской и испанской армий и осматривая фортификационные сооружения в Нидерландах.

В начале июня 1646 года Ян и Марек через германские земли и Нидерланды достигли Камбре во Франции и почти год провели в Париже. До мая 1647 года они совершенствовались в Сорбонне иностранные языки и гуманитарные науки, а также посещали уроки верховой езды и фехтования. Польские историки не исключают (об этом упоминается и в мемуарах Собеского), что во французской столице они успели недолго послужить в гвардии мушкетеров короля или же намеревались сделать это. На самом деле, в 1646 году первый министр кардинал Мазарини распустил роту мушкетеров и сформировал ее заново только спустя одиннадцать лет.

В любом случае, братья обзавелись интересными знакомствами – их представили принцу Уэльскому, который станет в 1660 году королем Британии Карлом II Стюартом, и принцу Луи Бурбону де Конде, перед полководческим гением которого преклонялся младший брат. Собеские посещали Шантийи, где хозяйкой аристократического салона была мать Конде Шарлотта-Маргарита, последняя любовь Генриха IV Бурбона, крестная мать Людовика XIV и сестра последнего герцога Монморанси, обезглавленного за мятеж в 1633 году. Марек и Ян были представлены Анне Марии де Невер из дома Гонзага, сестре польской королевы Марии-Людовики. Анна Мария убедила своего супруга пфальцграфа Эдварда Зиммернского, шестого сына главы Протестантской унии и «зимнего короля» Богемии (Чехии) Фридриха V Пфальцского, а также внука английского короля Якова I Стюарта, перейти из кальвинизма в католицизм. Этот поступок оскорбил его старшего брата, курфюрста Карла Людвиг Пфальцского. Эдвард и его потомки были исключены из наследования в Пфальцском доме. Более того, если бы Анна Мария не повлияла на смену вероисповедания супруга, то на британский трон в будущем могли бы взойти их потомки, а не Ганноверский дом. В гостиную этой незаурядной дамы братья Собеские могли пообщаться со многими французскими аристократами и литераторами. Точно известно, что они познакомились с Мадлен де Скюдери, которая к тому времени еще не написала свои самые знаменитые романы, но уже была известна благодаря сочинению «Ибрагим, или Великий паша» (1641).

Марек и Ян были не единственными поляками в Париже тех лет. Они состояли в одной компании с правнуком великого гетмана Литовского Николая Радзивилла Рыжего Богуславом Радзивиллом, безуспешно искавшим себе жену при французском дворе, и Яном Замойским, внуком знаменитого гетмана коронного Яна Замойского. Два Яна – Собеский и Замойский – тогда не подозревали, что маленькая девочка, увезенная в Польшу новой королевой Марией Людовикой Гонзага, сыграет по очереди важную роль в жизни обоих. Молодые поляки

²¹ Jan III Sobieski. P. 413; Varvoni M. Jan Sobieski: The King Who Saved Europe. P. 21–23.

вели в Париже веселую жизнь. Спустя несколько десятилетий появившийся в Речи Посполитой некий французский шевалье объявил себя сыном короля Яна, чем вызвал немалый скандал. Нет ничего удивительного, что Франция произвела на братьев Собеских большое впечатление. До конца жизни Яну представлялись образцовыми французские политическая система и военное искусство, французский язык и французские манеры, на которые он ориентировался в своей жизни и политике. В этом отношении он, безусловно, не был оригинален.

Британия, где путешественники побывали осенью 1647 года, понравилась им гораздо меньше. По сути, Тридцатилетняя война превратилась в «европейскую гражданскую войну». На Альбионе было очень неспокойно – уже с 1640 года это государство сотрясали политические потрясения, вылившиеся в гражданскую войну между королем Карлом I Стюартом и Парламентом. Наряду с войной, они имели общеевропейское значение и привели не к меньшим результатам для дальнейшего развития Европы. Скорее всего, братья увидели в британских событиях мятеж подданных против своего короля (примечательно, что Ян в своих мемуарах ни словом не обмолвился о них) и отправились в Республику Соединенных провинций, где были представлены статхаудеру Вильгельму II Оранскому, а затем в Брюссель. Вероятно, они бы вернулись в Париж, а оттуда посетили бы «Италию и Константинополь», как пишет сам Ян²², если бы не два обстоятельства.

В мае 1648 года в Париже началась гражданская смута с разнородным социальным составом участников – Фронда (1648–1653). Название «Фронда» происходило от французского слова «La Fronde», означающего «праща» либо «камень от пращи», и было своеобразным символом протеста. По сути, Фронда стала всепоглощающим, зачастую стихийным протестом против войны, налогов, одним словом, кризисом, которого не избежала и Франция – страна-победительница в Тридцатилетней войне. Многие тогда думали, что этот кризис спровоцирован первым министром – кардиналом Джулио Мазарини. Почти одновременно с этим событием мать вызвала своих сыновей на родину. Еще в июне 1646 года в Жолкве от сердечного приступа скончался их отец – тогда Марек и Ян заказали в Париже специальную мессу, отслуженную в связи с печальным известием папским легатом. Теперь в Польше вспыхнуло восстание запорожских казаков под предводительством Богдана Хмельницкого, которое быстро охватило почти всю Правобережную Украину, сплавив воедино социальный, этнический и религиозный протест.

Тридцатилетняя война, «Великий мятеж» в Англии, Фронда во Франции, восстание Богдана Хмельницкого... Личность Яна Собеского формировалась в ходе непрерывной цепи событий и явлений, охватывавших все XVII столетие и именуемых в современной литературе Глобальным кризисом. Пожалуй, наиболее полно концепция Глобального кризиса представлена в труде современного британского историка Д. Паркера. Паркер связал «малое ледниковое столетие», каковым в климатическом отношении был XVII век, с историческими потрясениями этого времени. Необычная концентрация экстремальных климатических явлений: в одних регионах – продолжительной засухи, в других – длительных дождей и наводнений, а в третьих – пика сейсмической активности и землетрясений, способствовала «неверным шагам религиозных и политических лидеров», приведших в кризису в глобальном масштабе. Этот кризис, пик которого пришелся на середину XVII столетия, выразился в демографическом упадке, эпидемиях, войнах, мятежах и революциях. От него больше страдали композитарные (сложно-составные) государства, в которых и так имела место политическая нестабильность по причине сохранения различными территориями своих институтов и коллективной идентичности с разным языком и религией. Одним из таких композитарных государств и являлась Речь Посполитая, вступившая в полосу непрерывных кризисных явлений²³.

²² Authentic memoirs of John Sobieski, King of Poland. P. 6.

²³ Parker G. Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century. New Haven, CT: Yale University

«Не было ни одной деревни, ни одного города, в котором не раздавались бы призывы к своеволию и где бы не замыслили на жизнь и имущество своих панов и арендаторов», – так описывал великий гетман коронный Николай Потоцкий ситуацию на Украине. Возвратившись, Ян и Марек примкнули к кампании против «бунтовщиков», возглавив личные гусарские и казацкие хоругви. Тогда же польский король Ян II Казимир Ваза в связи со смертью Якуба Собеского передал Яну должность старосты Яворовского. Молодой каштелян принял боевое крещение, участвуя во многих сражениях той войны – осаде Замостья (1648), битвах при Зборове (1649) и, наконец, под Берестечком (1651), где польская армия взяла реванш над полками Хмельницкого, и получил чин полковника. Вину за восстание и его печальные последствия для Польши он возлагал на умершего короля Владислава IV Вазу, который нарушил права своих подданных казаков на Украине, предоставленные им еще Стефаном Баторием (1533–1586).

Колесо фортуны разделило братьев Собеских. 1–2 июня 1652 года в битве под Батогом польское войско во главе с Мартином Калиновским потерпело сокрушительное поражение от казаков и крымских татар. Речь Посполитая потеряла 8000 отборных воинов. Марек попал в плен к татарам и там во время массовой казни пленных был убит. Как писал очевидец событий, неизвестный польский шляхтич, «Войско наше, цвет рыцарства всей Речи Посполитой, было полностью уничтожено под Батогом. Там погибло, кроме гетмана Калиновского, много знатных панов, в частности сын гетмана Калиновского, коронный обозный, Сенявский, староста львовский, Марек Собеский, староста красноставский, Пшиемский, польный писарь Розражовский, командующий артиллерией, муж удивительно храбрый и воинственный. Вообще вряд ли кто-либо в живых остался, кроме сообщивших о поражении. Хмельницкий отдал несколько сот тысяч [золотых] хану и татарам, а также обещал отдать Каменец после его взятия за то лишь, чтобы ляхов не оставляли в живых. Погибло тогда там нашего войска, как конницы, так и пехоты, которая вся полегла, около 20 тысяч»²⁴.

Яну перешла по наследству его должность старосты Красноставского. Убитая горем София Теофилия первое время вину за смерть любимого сына возлагала на Яна, не оберегавшего старшего брата и не участвовавшего в этой битве. Сам Ян честно признавался впоследствии, что он, горя желанием присоединиться к шляхте, участвовавшей в той битве, избежал ее по чистой случайности, из-за дуэли с «литовским дворянином по имени Пац». В результате Собеский получил несколько серьезных ран, вследствие чего был вынужден «оставить все мысли сопровождать своего брата». Гибель Марек породила у Яна не только чувство вины, но и ненависть к исламу, что, на первый взгляд, противоречило его дальнейшему вояжу в составе польской дипломатической миссии в Стамбул. Однако у умного человека ненависть вызывает потребность познать противника, и Ян досконально изучил политическое устройство и военную организацию Османской империи, а также турецкий и татарский языки²⁵.

В январе 1654 года состоялась знаменитая Переяславская рада, на которой гетман Хмельницкий, казацкая старшина и рядовые казаки присягнули на верность русскому царю Алексею Михайловичу. Вслед за этим московские воеводы двинули свои полки на Речь Посполитую. Началась длительная и кровопролитная война, длившаяся 13 лет. Менее чем за год почти вся территория нынешней Белоруссии, а также Смоленск оказались в руках Московского государства. Но и на этом несчастья Речи Посполитой не закончились.

Press, 2013. P. 82.

²⁴ 1646–1655 – Хроника событий 1646–1655 гг. составленная польским шляхтичем. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1640-1660/Vojna1/1-20/1.htm>

²⁵ Authentic memoirs of John Sobieski, King of Poland. P. 7–14; Jan III Sobieski. P. 413; Millar S., Dennis P. Vienna 1683: Christian Europe Repels the Ottomans. Oxford: Osprey Publishing, 2008. P. 17; 1646–1655 – Хроника событий 1646–1655 гг., составленная польским шляхтичем. Там же.

В июне 1654 года перешедшая в католицизм шведская королева Кристина сложила с себя корону в пользу Карла Густава Пфальцского, взошедшего на трон под именем Карла X Густава, и уже в декабре того же года на заседании Риксрода было принято решение вмешаться в происходящие события. Для Швеции возникла срочная необходимость, не вступая в открытое противостояние с Московским государством, воспрепятствовать развитию его успехов и поставить под свой контроль стратегически важные для Швеции территории. При этом члены Риксрода обсуждали проект заключения союза с ослабленным Польско-Литовским государством. Ян Казимир должен был отказаться от притязаний на Ливонию, согласиться на шведский протекторат над Курляндией и на уступки в Королевской Пруссии, что обеспечило бы превращение Балтийского моря в «шведское озеро». В ходе дискуссий, однако, было принято решение о начале войны весной 1655 года. На это решение оказали влияние вести о том, что часть магнатов Речи Посполитой ищут «защиты» у иностранных правителей.

Весной 1655 года в переговоры со Стокгольмом, на которых поднимался вопрос об избрании шведского короля на трон Польши, вступил великий гетман Литовский Януш Радзивилл. Летом того же года наладил связи со шведами и виленский епископ Юрий Тышкевич. Все это помогало создать впечатление, что серьезной войны не будет, и Речь Посполитая сама примет шведский протекторат. В июле первая шведская армия фельдмаршала Арвида Виттенберга, вместе с которым находился и бывший канцлер коронный Иероним Радзиевский, пересекла польскую границу и двинулась на Великую Польшу.

После начала шведского вторжения в Речь Посполитую, известного как «Потоп», столь красочно описанного в знаменитом романе лауреата Нобелевской премии Генрика Сенкевича и отраженного в одноименной кинокартине Ежи Гофмана, Ян Собеский со своими хоругвями оказался в составе значительных польских формирований под командованием воеводы Познани Кшиштофа Опалиньского. 24 июля армия фельдмаршала Виттенберга захватила переправы через реку Нотец и полностью блокировала великопольское ополчение под Уйском. На следующий день поляки, окруженные и подвергшиеся пушечному обстрелу, капитулировали. Шведское командование и Иероним Радзиевский предложили начать переговоры, что было встречено ликованием и ружейным и артиллерийским салютом. Согласно подписанному соглашению магнаты и шляхта Великой Польши признавали шведского короля своим протектором и передавали в его распоряжение все королевские владения и доходы. После взятия Виттенбергом Познани 31 июля 1655 года воевода Опалиньский, еще ранее вступивший в секретные переговоры со шведами, открыто поклялся в верности королю Карлу X Густаву²⁶.

Польские историки считают, что Ян, по сути, не являлся предателем родины, будучи одним из магнатов и полководцев Речи Посполитой, которые перешли на сторону шведов из-за того, что считали правление короля Яна II Казимира слабым и неэффективным. При этом Собеский был не пассивным наблюдателем событий, а активным шведским военачальником, который с исключительным умением вместе с Александром Конецпольским и Дмитрием Ежи Вишневецким привел свои силы в Пруссию и способствовал поражению армии бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма в январе 1656 года. Действительно, с этим мнением можно согласиться, поскольку в то время национального самосознания еще не было. Дворяне служили конкретному правителю, а понятие родины отождествлялось с местом, где человек родился, и с землями, которыми он владел. Достаточно только вспомнить Великого Конде, которым так восхищался Ян: еще во время Фронды принц имел сношения с испанцами, а после ее окончания перешел на сторону Мадрида и вплоть до Пиренейского мира 1659 года между Францией и Испанией воевал против соотечественников. Сам же Собеский в мемуарах предпочел опустить этот факт своей жизни.

²⁶ Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М.: Индрик, 2010. С. 18–20.

К концу 1655 года практически вся Речь Посполитая была завоевана шведами. На фоне формировавшихся повстанческих отрядов 29 декабря 1655 года в Тышковцах великий гетман коронный Станислав Потоцкий и польный гетман коронный Станислав Лянцкоронский организовали шляхетскую конфедерацию против Карла Густава. Тышковецкая конфедерация распространила универсал о начале вооруженной борьбы против шведов и отправила гонцов в австрийскую Силезию с призывом к Яну Казимиру вернуться на родину, что и произошло зимой 1656 года. В Великой и Малой Польше сопротивление шведам резко усилилось. И в ночь с 23 на 24 февраля все польские хоругви сложили с себя присягу шведскому монарху и перешли на сторону своего короля. Трехтысячное польско-шляхетское войско под командованием Александра Конецпольского, разбивая шведские отряды, двинулось из Мазовии на Львов, где присоединилось к Яну Казимиру. В конце марта 1656 года Ян Собеский поступил под командование гетманов Стефана Чарнецкого и Ежи Себастьяна Любомирского. Услышав эту весть, рассерженный Карл Густав приказал повесить на виселице портреты Собеского и других польских военачальников, бывших на его службе²⁷.

«Никогда еще Польша так не нуждалась в своих сыновьях, которые, как он (Собеский. – Л. И.), одновременно являлись и патриотами, и прекрасными воинами, – писал об этом времени Ян, непомерно приукрашивая значение своей особы, – ...Собеский был главной надеждой родины и ее короля-беглеца»²⁸. Ему очень помогло знание военного искусства татар, когда 28–30 июля 1656 года, умело командуя двухтысячным татарским корпусом в качестве хорунжего великого коронного, он принимал участие в трехдневной битве с армией Карла Густава и бранденбургского курфюрста Фридриха-Вильгельма под Варшавой. Будущий король на поле боя старался «компенсировать» свою «измену» Яну Казимиру, хотя в том сражении восемнадцатитысячная шведско-бранденбургская армия разгромила польско-литовские войска и на время заняла Варшаву.

По большому счету, время, проведенное на службе Карла Густава, способствовало еще большему развитию военных талантов Собеского: он мог изнутри наблюдать за действиями прекрасно оснащенной и обученной шведской армии. Приобретенные знания были успешно использованы в боях с силами союзника шведского короля трансильванского князя Дьердя II Ракоци летом 1657 года. Ракоци был вынужден сдаться и подписать мирный договор с Речью Посполитой. Князь отказался от претензий на польский престол и обязывался заплатить огромную контрибуцию польскому правительству.

В течение последующих двух лет Ян участвовал в ряде военных кампаний и избирался депутатом сейма. В качестве одного из комиссаров он подписал Гадячский договор 1658 года между Польско-Литовским государством и Гетманщиной, предусматривающий вхождение последней в состав Речи Посполитой под названием Великого княжества русского как третьего равноправного члена Унии Польши и Литвы. В августе 1659 года Собеский принял участие в последнем наступлении польского войска под предводительством Ежи Себастьяна Любомирского против шведов в Королевской Пруссии. Тогда поляки осадили и взяли штурмом Грудзендз, а затем принудили к капитуляции шведский гарнизон в городском замке. В 1660 году Ян в составе польского войска сражался в битве при Слободище с силами гетмана Юрия Хмельницкого и при Любаре с русской армией боярина Шереметева, после чего вновь стал членом посольства, заключившего договор с Хмельницким в Чуднове, возобновивший статьи Гадячского соглашения. За это он получил в награду Стрийское староство²⁹.

В феврале 1660 года Карл X Густав, заболев лихорадкой, скончался в Гетеборге. Новым королем Швеции стал 4-летний Карл XI, и вследствие его несовершеннолетия государством

²⁷ Dennis P. Vienna 1683: Christian Europe Repels the Ottomans. P. 17.

²⁸ Authentic memoirs of John Sobieski, King of Poland. P. 20.

²⁹ Authentic memoirs of John Sobieski, King of Poland. P. 20–24; Jan III Sobieski. P. 414.

стал управлять Регентский совет во главе с фельдмаршалом Магнусом Делагарди. А в мае 1660 года в Оливском монастыре под Гданьском был заключен мирный договор между Речью Посполитой, Священной Римской империей и Бранденбургом, с одной стороны, и Швецией, с другой. По условиям Оливского мира король Речи Посполитой отказывался от всех претензий на шведскую корону. Швеция получала Эстонию и большую часть Ливонии (или Лифляндии – немецкое название Ливонии – *Livland*), кроме Курляндии, которая осталась в вассальной зависимости от Речи Посполитой и Инфлянтского воеводства (польских Инфлянтов). Польская и шведская стороны подтвердили независимость Пруссии от Речи Посполитой.

«Шведский потоп» не зря сравнили со стремительно несущейся, все сметающей на своем пути водной стихией: количество шведских войск в той войне в несколько раз превосходило численность поляков, умевших держать в руках оружие. «Потоп» смыл своими водами и значительный сегмент польской культуры – ведь шведское нашествие ознаменовалось не только разрушениями и человеческими жертвами, но и изгнанием из страны протестантов. Вследствие того, что Речь Посполитая с трудом избежала раздела между некаатолическими соседями, католической церкви удалось отменить постановления Варшавской конфедерации 1573 года, обеспечивавшей религиозную терпимость в государстве. Этот акт временно сделал Речь Посполитую на долгие годы более безопасным и толерантным местом, чем большая часть Европы. Но уже в 1658 году сейм обвинил протестантов в поддержке интервентов и изгнал из страны «польских братьев»³⁰, отстаивавших идеи рационализма и религиозной терпимости и оказавших влияние на правовую мысль в Европе и Северной Америке. А в 1668 году он запретил отступление от католицизма под страхом смерти. Политика религиозной нетерпимости также свидетельствовала о наступавших сложных для Польско-Литовского государства временах – католицизм стал благословением и проклятием Речи Посполитой.

³⁰ Церковь, возникшая в результате раскола среди сторонников кальвинизма в 1562–1565 годах под влиянием итальянских антитринитариев – сторонников течения в христианстве, основанного на вере в Единого Бога и отвергающих концепцию «триединства Бога» (Троицу). К ней присоединилась значительная часть интеллектуальной элиты польских протестантов.

Восхождение

Уже первая половина XVII столетия внесла существенные изменения в повседневную жизнь европейского общества, прежде всего, элит. «Весь мир лицедействует», – это высказывание римского писателя Гая Петрония Арбитра³¹, предварявшее вход в лондонский театр «Глобус», было своеобразным эпиграфом к культуре Нового времени. Ощущение жизни как пространства игры, свойственное барочной эпохе, требовало от человека выбора роли, которую следовало играть на сцене театра-мира. Эта роль как определяла внешние признаки человека (прическа, костюм, грим), так и диктовала социальное поведение, провоцировала возведение соответствующих декораций. В итоге она превращала жизнь человека в процесс творчества. В этот процесс творчества, пусть даже и относительно приземленный и провинциальный, окунулась и польская шляхта.

³¹ Большой словарь цитат и крылатых выражений / сост. К. В. Душенко. М.: Эксмо, 2011. С. 8.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.